

оказывались не только «банды моджахедов», но и сам народ – от мала до велика, вне зависимости от классовой принадлежности. При этом, наверное, стоит говорить об изменении доминанты восприятия в течение 10 лет. Если в 1980 году советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады (хотя и тогда уже началось внутреннее сопротивление, первые обстрелы, первые жертвы), то к 1989-му таких иллюзий уже ни у кого не осталось¹².

В-пятых, ситуация восприятия характеризуется и особенностью его субъекта: это были преимущественно военнослужащие, то есть люди на тот момент одной профессиональной категории, хотя среди них находились и солдаты срочной службы, и кадровые офицеры. Кроме того, в абсолютном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. То есть люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием чего явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и к окружающей действительности. Эта особенность отразилась и в источниках – как личного происхождения (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания-интервью), фиксирующих такое восприятие, так и в имеющих художественную основу (авторские стихи, песни, солдатский фольклор). В последней категории источников в обобщенной символической форме выражен весь спектр отношений к Афганской войне – и к афганскому обществу, и к самой ситуации войны, и к своему месту в ней.

С учетом приведенных выше, а также ряда других параметров и следует оценивать ситуацию восприятия советскими воинами афганского общества, его обычаев и традиций в рамках исламской культуры.

«Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:

Здесь совсем другие Боги и другие имена...»¹³, –

написал об Афганистане Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

«Здесь сошлись два века в противостоянии –

Век двадцатый и четырнадцатый век»¹⁴.

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, – не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие «бакшиш» (подарок), нехватка или отсутствие привычных «плодов цивилизации», отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. «Что больше всего поразило в Афганистане – это нищета, – вспоминает рядовой С. Фесюн, проходивший службу в 1980–1981 годы в Кандагаре. – Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая»¹⁵.

При всей своей бедности афганские дехкане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: «На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в год снимают»¹⁶. Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то надуть иноверца считалось особой доблестью. Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко откручивается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны – бачата¹⁷. «Они скручивали у нас все цветные стеклышки с машин, какие под руку попадались, причем довольно лихо это проделывали, – вспоминает гвардии подполковник В.А. Литвиненко. – Стоило